

Феудит Макнот

Таконец-то
вместе

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Judith McNaught

SOMEONE TO WATCH OVER ME

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *Э.Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew
Nurnberg.

Макнот, Джудит.

М15 Наконец-то вместе : [роман] / Джудит Макнот ; [пер.
с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 464 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-108801-9

Ли Кендалл была счастлива на вершине своей актерской карьеры, а муж, наследник одного из старейших нью-йоркских финансовых кланов, ее обожал.

...Но однажды муж Ли исчез — и теперь она готова на все, чтобы его отыскать!

Полиция умыла руки. Кто поможет красавице актрисе? Или ей придется действовать на свой страх и риск?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Eagle Syndication, Inc., 2003

© Перевод. Т.А. Перцева, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-108801-9

СПЕНСЕРУ ШЕЛЛИ

Дражайший Спенс! В полном соответствии с традицией я очень хотела бы дать тебе совет, подобный тому, что дала твоему брату в посвящении к своей последней книге. Но не могу. Я так поражена твоим обаянием и очарована смехом, что не могу дождаться, пока ты станешь старше, чтобы попросить *твоего* совета. Каким образом ты заставляешь людей улыбаться при одном взгляде на тебя? Я знаю, откуда у тебя такие глаза. Но откуда столько радости? Столько *магии*?

Мне нужно задать тебе множество вопросов, но пока что тебе всего два года, так что придется подождать ответов. Единственное, в чем я твердо уверена, — ты собираешься идти по жизни своим курсом. И если этот курс будет именно таким, который вызовет огромный трепет в сердцах твоих родителей, можешь рассчитывать на меня как на человека, который все уладит. Ну а пока я все же дам тебе маленький совет любящей бабушки: не позволяй никому из нас изменить тебя.

Я пишу романы об исключительных людях, людях необычайного характера, большого ума, сострадания и силы. В реальной жизни я знала таких людей. Одним из них был мой друг Гейл Шредер. Другим — мой муж Майкл Макнот. Все, кто любил этих необыкновенных людей, ужасно по ним тоскуют. Память о них освещает наши жизни и наш путь. Как повезло нам узнать их!

Создание романа — это долгое, одинокое и кропотливое занятие. Выносить его мне помогают под-

держка и участие моей семьи и близких друзей. Спасибо вам, Клей, Уит и Роуз, за понимание, отказ от телефонных звонков и визитов и полное отсутствие жалоб. Я так люблю вас за это! Спасибо, Кэрол Ларокко, и Джуди Шредер, и Кэти Ричардсон, за верную и преданную дружбу.

Создание подобного романа требует также советов и помощи многих людей, знающих предмет, или только одного человека, с огромными знаниями, множеством контактов и безграничным терпением. Такого, как Стив Слоут. Стив, ты настоящий принц. Не знаю, как и благодарить тебя.

Глава 1

— Мисс Кендалл, вы меня слышите? Я доктор Меткаф. Вы находитесь в больнице, в Маунтинсайда. Сейчас мы вынесем вас из машины «скорой помощи» и отвезем в приемное отделение.

Содрогавшаяся в ознобе Ли Кендалл слабо реагировала на настойчивый мужской голос, пытающийся привести ее в сознание, но никак не могла найти в себе силы поднять веки.

— Вы слышите меня, мисс Кендалл?

Сверхчеловеческим усилием она все же умудрилась заставить себя открыть глаза. Доктор наклонился над ней, осматривая ее голову. Подле стояла медсестра с прозрачным пластиковым пакетом жидкости для внутривенного вливания.

— Сейчас мы вынесем вас из «скорой», — повторил он, направляя в ее зрачки крохотный лучик света.

— Нужно... сказать... мужу, что я здесь, — выдавила Ли едва слышным шепотом.

Доктор кивнул и ободряюще сжал ее руку:

— Об этом позаботится полиция штата. Ну а пока... поверьте, в больнице «Добрый самаритянин» найдется немало ваших горячих поклонников, включая и меня самого, так что мы сумеем как нельзя лучше позаботиться о вас.

Голоса и образы атаковали Ли со всех сторон, как только санитары подняли носилки. Красные и голубые огни лихорадочно пульсировали на фоне серого рассвет-

ного неба. Люди в униформах мельтешили перед ее усталыми глазами: полицейские штата Нью-Йорк, парамедики, доктора, медсестры. Двери распахивались, коридоры летели мимо, лица теснились над ней, губы шевелились, выпаливая настойчивые вопросы.

Ли пыталась сосредоточиться, но голоса сливались в неразличимое жужжание, черты окружающих расплывались, растворяясь в том же мраке, который успел пожрать остальную часть комнаты.

Когда Ли снова пришла в себя, на улице было темно и падал легкий снег. Делая отчаянные усилия избавиться от действия тех лекарств, которые еще и сейчас по капле лились ей в вену из прозрачного пакета, укрепленного на штативе, она тупо оглядывала то, что показалось ей больничной палатой, буквально забитой цветами всех оттенков, форм и сортов.

Седовласая сиделка, устроившаяся у изножья кровати, рядом с гигантской корзиной белых орхидей и большой вазой ярко-желтых роз, читала последний выпуск «Нью-Йорк пост» с фотографией Ли на первой странице.

Ли повернула голову, насколько позволял фиксирующий воротник, пытаясь отыскать хоть какой-то признак появления Логана, но оказалось, что пока, кроме нее и сиделки, больше никого нет. Далее она попробовала подвигать ногами и пошевелить пальцами и, к собственному облегчению, удостоверилась, что все это не только осталось на месте, но и находится в достаточно удовлетворительном рабочем состоянии. Правда, руки были забинтованы, а голова обернута чем-то тугим, но пока она не двигалась, все неудобство в основном сводилось к тупой боли во всем теле и немного более острой в ребрах. Кроме того, глотка так пересохла, словно ее набили опилками.

Зато она жива, и это само по себе уже и есть чудо! Тот факт, что она также была относительно цела и невредима, наполнял ощущением благодарности и почти эйфорической радости.

С трудом сглотнув, она все же сумела издать некое подобие шепота, шелестевшего в опаленном жадной горле:

— Можно мне немного воды?

Сиделка подняла голову. Лицо мгновенно осветилось профессионально-участливой улыбкой.

— Вы пришли в себя! — воскликнула она, поспешно закрывая газету, складывая ее и бросая под стул вниз снимком.

Бейджик на ее униформе удостоверял, что перед Ли стоит «Энн Макки, дипломированная медсестра, индивидуальный уход». Ли жадно наблюдала, как сиделка наливает воду из розового пластикового кувшина, стоявшего на подносе у кровати.

— Вам нужна соломинка. Сейчас раздобуду.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я ужасно хочу пить.

Сиделка попыталась поднести стакан к губам Ли, но та воспротивилась.

— Я сама, — заверила она, но втайне поразились, скольких усилий потребовалось, чтобы просто поднять забинтованную руку и не расплескать воду. К тому времени когда она отдала стакан обратно, рука тряслась, а в груди словно открылась рана. Опасаясь, что ее состояние гораздо хуже, чем показалось сначала, Ли с облегчением опустила голову на подушки и долго собиралась с силами, чтобы снова заговорить. — Что со мной?

Сестра Макки, похоже, была не прочь поделиться тем, что знала, но все же для порядка поколебалась.

— Честно говоря, вам следовало бы спросить доктора Меткафа.

— Обязательно, но хотелось бы сначала все услышать сейчас, от моей личной сиделки. Я никому не расскажу о том, что услышу от вас.

Иного поощрения сиделке не потребовалось.

— Вы были в шоке, когда вас сюда привезли, — призналась она. — Сотрясение мозга, переохлаждение, сломанные ребра и подозрение на повреждение шейного позвонка и прилегающих тканей — то есть, говоря языком медиков, травма от внезапного резкого движения головы и шеи. Несколько глубоких порезов скальпа, рваные раны на руках, ногах и торсе, но, к счастью, лицо почти не пострадало, и это уже само по себе чудо.

Кроме того, синяки и ссадины по всему...

Улыбаясь так широко, как позволяла распухшая губа, Ли подняла руку, чтобы остановить перечисление скорбного списка.

— Скажите, все это настолько серьезно, что потребуется операция?

Медсестра, казалось, была поражена столь оптимистичным настроением, но тут же уважительно качнула головой.

— Никаких операций, — заверила она, одобрительно погладив Ли по плечу.

— А физиотерапия?

— Не думаю. Но несколько недель вам придется нелегко, да и ребра будут беспокоить. Ожоги и порезы потребуют пристального внимания, могут остаться шрамы, которые необходимо...

Ли очередной вымученной улыбкой прервала новый поток угнетающих медицинских терминов.

— Я буду очень осторожной, — заверила она и немедленно переключилась к единственной интересующей ее теме: — Где мой муж?

Сиделка смущенно отвела глаза и снова погладила Ли по плечу.

— Пойду узнаю, — пообещала она и поспешно вышла, оставив у Ли впечатление, что Логан где-то неподалеку.

Совершенно измученная, казалось бы, такими простыми действиями, как пить и разговаривать, Ли закрыла глаза и попыталась сложить в одно целое картину того, что случилось с ней со вчерашнего дня, когда Логан поцеловал ее на прощание...

Он был так возбужден, когда покинул их квартиру в Верхнем Ист-Сайде, так настойчиво уговаривал ее приехать к нему в горы и провести вместе ночь. Вот уже больше года он искал подходящее место для их совместного убежища в горах, уединенный уголок, который послужит достойным обрамлением просторного каменного дома, который он спроектировал для них двоих. Поиски усложнялись тем, что Логан уже сделал чертежи, так что место должно было соответствовать его планам. В четверг он наконец отыскал участок,

отвечающий всем его требованиям, и так спешил все ей показать, что упробил провести ночь, их ближайшую свободную ночь, в горной хижине на территории владения.

— В хижине годами никто не бывал, но я все приберу, пока буду тебя ждать, — обещал он, проявляя трогательное рвение к обязанностям, которых обычно избегал как огня. — Правда, там нет ни электричества, ни отопления, но я разожгу огонь в камине, и мы уляжемся перед ним в спальных мешках. А перед этим у нас будет ужин при свечах. Утром встанем пораньше и посмотрим, как солнце поднимается над вершинами деревьев. наших деревьев. Вот увидишь, все будет очень романтично.

Весь этот план вызвал в Ли только веселый ужас. Прошлым вечером она играла главную роль в новой бродвейской пьесе и успела поспать только часа четыре. Перед тем как уехать в горы, ей предстояло провести воскресный дневной спектакль, потом три часа пробираться в холодную, необитаемую каменную хижину, чтобы спать на полу... а утром вскопчить на рассвете.

— Просто дожидаться не могу, — как ей казалось убедительно, солгала Ли, на самом деле больше всего на свете мечтающая о том, как бы еще поспать. Сейчас только восемь, а она вполне могла бы подремать до десяти.

Логан тоже не отдохнул этой ночью, но был уже одет и умыт. Похоже, ему не терпелось поскорее ехать.

— Это место не так легко найти, поэтому я нарисовал тебе карту с кучей примет, — сообщил он, кладя на ее тумбочку листок бумаги. — Я уже все загрузил в багажник.

Он наклонился и наспех поцеловал Ли в щеку.

— Кажется, ничего не забыл: чертежи дома, колья, бечевку, поперечные брусья, спальные мешки. И все же такое чувство, словно что-то оставил...

— Метлу, швабру и ведро? — сонно пошутила Ли, перекачиваясь на живот. — Щетки? Чистящий порошок?

— Брюзга, — поддел он, покусывая ее за самое чувствительное местечко на шее.

Ли хихикнула, поудобнее положила подушку и продолжала перечислять:

— Дезинфицирующий раствор... мышеловки...

— Нудишь, как избалованная, испорченная, капризная бродвейская звезда, — хмыкнул он, надавливая на подушку, чтобы заткнуть ей рот. — Где твой авантюрный дух?

— Не выходит за двери «Холидей инн»*, — с приглушенным смешком призналась она.

— А ведь ты любила пешие походы. И меня приучила. Кто предлагал жить в палатках весь наш медовый месяц?

— Только потому, что «Холидей инн» был нам не по карману.

Логан со смехом стянул с нее подушку и взъерошил волосы.

— Поезжай прямо из театра. Не опаздывай.

Он встал и устремился к двери их спальни.

— Нет, я точно что-то позабыл...

— Питьевую воду, свечи, оловянный кофейник? — услужливо предположила Ли. — Продукты к ужину? Грушу мне на завтрак?

— Никаких груш. Ты просто подседа на них, как на иглу, — шутливо бросил он через плечо. — Отныне тебе полагаются только «Крим оф Уит»** и чернослив.

— Садист, — пробормотала Ли в подушку, но как только дверь захлопнулась, с улыбкой перевернулась на спину, глядя в окно, выходящее на Центральный парк. Логан просто загорелся идеей дома в горах, но хотя его энтузиазм был поистине заразительным, для Ли важнее всего было беспечное настроение мужа. Тринадцать лет назад они были так молоды, так бедны, что тяжелый труд стал сначала необходимостью, а потом и привычкой. В день свадьбы их общий капитал составлял восемьсот долларов наличными плюс только что полученный Логаном диплом архитектора, светские связи его матери и недоказанный актерский талант Ли. И еще их непоколебимая вера друг в друга. И этими скудными средствами они создали себе великолепную жизнь, хотя последние несколько месяцев были так заняты, что их сексуальные

* Сеть недорогих отелей и мотелей по всей Америке. — *Здесь и далее примеч. пер.*

отношения почти свелись к нулю. Она полностью погрузилась в предпремьерное безумство новой пьесы, а Логана совершенно поглотили бесконечные сложности его последнего и самого значительного делового проекта.

Лежа в постели и рассматривая облака, собирающиеся в ноябрьском небе, Ли решила, что ей определенно нравится перспектива провести ночь перед огнем, в полной неге и безделье, и заниматься любовью с мужем. Они так хотели ребенка, и она неожиданно сообразила, что сегодняшняя ночь — наиболее подходящий период для зачатия.

Сонно мечтая об этой ночи вдвоем, она почти не услышала, как в комнату вошла Хильда уже в пальто и с подносом.

— Мистер Мэннинг сказал, что вы уже проснулись, вот я и принесла вам завтрак перед уходом, — объяснила она и, подождав, пока Ли неохотно сядет, вручила ей поднос, содержащий обычное утреннее меню Ли: творог, грушу и кофе. — Я все прибрала после вечеринки. Больше ничего не нужно?

— Абсолютно. Желаю хорошо провести выходной. Собираетесь к сестре в Нью-Джерси?

Хильда кивнула.

— Сестра сказала, что ей недавно очень повезло в «Харра». Вот я и решила пойти с ней туда.

Ли едва сдержала улыбку, потому что, насколько она могла судить, у Хильды абсолютно не имелось простых человеческих слабостей, если не считать одной: страсти к «одноруким бандитам» в Атлантик-Сити.

— Мы вернемся не раньше чем завтра к вечеру, — неожиданно сообразила Ли. — Я сразу поеду в театр, а у мистера Мэннинга — деловой ужин, который продлится допоздна, так что вам совершенно не обязательно приезжать. Почему бы вам не провести у сестры два дня и не испытать игорные автоматы в других казино?

Соблазнительная перспектива двух выходных подряд повергла экономку в состояние полнейшего внутреннего конфликта, отразившееся на простом некрасивом лице Хильды и заставившее Ли спрятать очередную улыбку.

ку. В войне против грязи и беспорядка Хильда Бруннер была неутомимым, нестигаемым генералом, идущим на ежедневную битву в полном вооружении — с пылесосом и чистящими порошками. Мрачное решительное выражение ее лица предвещало мусору и пыли неминуемое поражение. Взять сразу два выходных для Хильды равнялось добровольному отступлению, а следовательно, было совершенно немыслимым. С другой стороны, если она примет предложение Ли, сможет провести целых два дня в компании сестры и игральных автоматов.

Хильда оглядела безупречную спальню, тоже входившую в число ее личных полей сражений, заранее пытаясь определить степень поражения, возможно, ожидающего ее после двух дней отсутствия.

— Я бы хотела обдумать ваше предложение.

— Разумеется, — кивнула Ли, изо всех сил стараясь сохранить серьезную мину. — Хильда! — окликнула она, когда немка поспешила к двери.

Хильда, занятая процессом подпоясывания пальто, обернулась:

— Да, миссис Мэннинг?

— Вы настоящее сокровище.

Ли надеялась уехать из театра к четырем часам, но режиссер и автор пьесы, просмотрев дневной спектакль, решили внести небольшие изменения в две ее сцены, а потом бесконечно спорили о том, какие именно изменения следует сделать, пробуя сначала один вариант, а потом другой. В результате Ли сумела освободиться только в начале седьмого.

Волокна тумана, переплетенные с полосами легкого снега, затрудняли обзор. Ли с трудом выбралась из города. Дважды она пыталась позвонить Логану по сотовому, предупредить, что опоздает, но либо он где-то забыл телефон, либо в этой горной местности сотовая связь не действовала. Пришлось оставить сообщения на автоответчике.

К тому времени как она добралась до гор, снегопад значительно усилился и поднялся сильный ветер. «Мерседес»-седан Ли, машина тяжелая, уверенно проби-

вался вперед, но дорога была такой скользкой, а видимость — никудышной, что дальше чем на пятнадцать футов от лобового стекла ничего не удавалось разглядеть. Временами было невозможно различить большие дорожные знаки, не говоря уже о приметах, обозначенных Логаном на самодельной карте. Придорожные рестораны и автозаправки, обычно открытые часов до десяти, давно закончили работу. На парковках не было ни единой машины. Дважды Ли разворачивалась в полной уверенности, что пропустила дорожный знак или нужный съезд. И поскольку ни остановиться, ни спросить дорогу было невозможно, оставалось только ехать дальше и искать.

Когда, по ее расчетам, до хижины оставалось всего несколько миль, Ли свернула на никак не обозначенный проезд, перегороженный штaketником, и включила верхний свет, чтобы снова проверить указания Логана. Она была почти уверена, что две мили назад пропустила поворот, который Логан описывал как «двести футов к югу от крутого склона, как раз за маленьким красным сараем». И поскольку за последние два часа намело не менее шести дюймов снега, то, что казалось маленьким красным сараем, могло легко оказаться большим черным загоном, невысокой силосной башней или грудой замерзших коров. Ли решила вернуться и проверить поточнее.

Она дала задний ход, осторожно развернулась, нашла крутой поворот и еще больше сбавила скорость, выискивая гравийную дорогу. Но спуск был почти отвесным, а местность слишком дикой, чтобы кому-то пришло в голову прокладывать здесь дороги. Она как раз сняла ногу с тормоза и стала прибавлять скорость, когда сзади из темноты ударил свет фар, обогнувший поворот и с ужасающей скоростью сокращавший расстояние между ними. Ли боялась ехать чересчур быстро, но неизвестный водитель мчался очертя голову. Правда, он перестроился на левую дорожку, чтобы не врезаться в ее багажник, но все-таки потерял управление и ударил в «мерседес» чуть правее сиденья водителя.

Воспоминания о том, что последовало дальше, по-прежнему были до жути живы: хлопок надувшихся подушек безопасности, визг разрываемого металла и звон

стекла, когда «мерседес» пробил дорожное ограждение и, кувыркаясь, полетел вниз. Несколько раз машина ударялась о деревья, прежде чем рухнуть на булыжники и с оглушительным грохотом перевернуться. Еще один костоломный толчок, и пять тысяч фунтов изуродованной стали наконец замерли.

Ли повисла на своем ремне безопасности, головой вниз, как оглушенная летучая мышь в пещере, и оставалась неподвижной, пока вокруг не начали взрываться огни. Яркие. Многоцветные. Желтые, оранжевые и красные. Пожар!

Невыразимый ужас привел в себя Ли. Она нашла кнопку ремня, нажала, с размаху приземлилась на крышу перевернутого автомобиля, и, тихо хныча, попыталась выползти через дыру, которая когда-то была окном со стороны пассажирского сиденья. Кровь, густая и липкая, лилась по рукам и ногам, капала в глаза. Пальто оказалось чересчур толстым, чтобы пролезть в отверстие, и она как раз срывала его, когда то, что остановило падение машины, неожиданно подалось. Ли услышала собственный вопль, когда горящий «мерседес» рванулся вперед, покатился и на несколько секунд взлетел в воздух, прежде чем снова рухнуть вниз и с оглушительным всплеском свалиться в ледяную воду.

Лежа с закрытыми глазами в больничной постели, Ли вспомнила этот нырок в воду, и сердце учащенно забилося. Машина немедленно начала тонуть, и она, потеряв голову от страха, принялась колотить во все, до чего могла дотянуться. И неожиданно обнаружила еще одну дыру, и когда легкие, казалось, готовы были разорваться, протиснулась сквозь нее и из последних сил добралась до поверхности. Прошла целая вечность, прежде чем порыв холодного ветра ударил ей в лицо и она наконец глотнула воздуха.

Ли пыталась плыть, но боль с каждым вздохом раздирала грудь, а взмахи были слишком слабы и беспорядочны, чтобы хоть немного подтолкнуть ее вперед. Ли продолжала барахтаться в обжигающе ледяной воде, но тело постепенно неме-ло, и ни паника, ни решимость не давали достаточно сил, чтобы выплыть. Голова то и дело уходила вниз, и она уже теряла надежду, когда беспомощно болтавшаяся

рука ударилась о что-то твердое и шершавое, оказавшееся сучком полузатонувшего бревна. Ли что было мочи вцепилась в это бревно, пытаясь воспользоваться им как неким подобием плота, пока не догадалась, что «плот» вмерз в берег. Ли поползла по нему, старательно переставляя негнущиеся руки, пока вода не дошла сначала до плеч, потом до талии и, наконец, до колен.

Дрожа и всхлипывая от облегчения, она взгляделась в даль сквозь плотный занавес летящего снега, чтобы определить дорогу, пробитую «мерседесом» среди деревьев, прежде чем слететь с гребня. Но так ничего и не увидела. И никакого гребня тоже. Ничего, кроме оупляющего холода и острых веток, бивших по лицу и царапавших, пока она прорывалась наверх, к крутому подъему, который не видела, к дороге, в существовании которой не была уверена.

Ли смутно припоминала, как все-таки сумела добраться до самого верха, свернуться в клубочек на чем-то мокром и плоском, но все остальное было затянуто мглой. Все, кроме странного, слепящего света и мужчины, рассерженного мужчины, который кричал ей гадости.

Из полубреда Ли бесцеремонно выдернул в настоящее мужской голос, раздавшийся рядом с кроватью:

— Мисс Кендалл? Мисс Кендалл, не хотелось бы будить, но мы ждали, пока вы очнетесь, чтобы поговорить с вами.

Ли открыла глаза и тупо уставилась на женщину и мужчину, перекинувших через руки одинаковые толстые зимние куртки. Мужчина, лет сорока, смуглый тяжеловесный коротышка, старательно пригладил черные волосы. Женщина была гораздо моложе, чуточку выше и очень хорошенькая, с длинными темными волосами, собранными в хвост.

— Я детектив Шредер из департамента полиции Нью-Йорка, — объявил мужчина. — А это детектив Литлтон. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

Ли предположила, что они хотят расспросить об аварии, но посчитала себя слишком слабой, чтобы описывать случившееся дважды: один раз им, а второй — Логану.